

В.П. Мещеряков

Кукшина

КУКШИНА АВДОТЬЯ НИКИТИЧНА — персонаж романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», принадлежит к числу «эмансипированных» дам. Это была женщина «еще молодая, белокурая, несколько растрепанная, в шелковом, не совсем опрятном платье, с крупными браслетами на коротеньких руках и кружевной косынкой на голове». Дополняют ее портрет пальцы, побуревшие от табака, так как Кукшина постоянно свертывала себе папиросы. «В маленькой и невзрачной фигурке эмансипированной женщины не было ничего безобразного; но выражение ее лица неприятно действовало на зрителя. Невольно хотелось спросить у нее: “Что ты, голодна? Или скучаешь? Или робеешь? Чего ты пружаешься?” И у ней, как у Ситникова, вечно скребло на душе. Она говорила и двигалась очень развязно и в то же время неловко: она, очевидно, сама себя считала за добродушное и простое существо, и между тем что бы она ни делала, вам постоянно казалось, что она именно это-то и не хотела сделать; все у ней выходило, как дети говорят, нарочно, то есть не просто, не естественно».

Кукшина постоянно сыплет именами иностранных и отечественных авторитетов, задает вопросы, не связанные между собой, и все это «с изнеженной небрежностью, не дожидаясь ответов; избалованные дети так говорят со своими няньками». Ее «волнуют» проблемы химии (Кукшина и сама занимается этой наукой: изобрела мастику — «куклы делать, головки, чтобы не ломались... <...> Но все это еще не готово»), «женский вопрос», физиология, эмбриология, воспитание и т. д. Как и Ситников, Кукшина презирает всех и вся. «Все такие мелкие интересы, вот что ужасно! Прежде я по зимам жила в Москве... но теперь там обитает мой благоверный мсье Кукшин. Да и Москва теперь... уж я не знаю — тоже уж не то».

Вывалив гостям весь свой запас «научных сведений», Кукшина под конец затрагивает наиболее интересную для нее тему: «Господа, будемте говорить о любви». После четвертой бутылки шампанского «Евдоксия болтала без умолку; Ситников ей вторил. <...> Дело дошло наконец до того, что Евдоксия, вся красная от выпитого вина и стуча плоскими ногтями по клавишам расстроенного фортепьяно, принялась петь сиплым голосом сперва цыганские песни, потом романс...» В финале этой сцены она вместе с Ситниковым под влиянием винных паров переходит границы приличия. Именно Аркадий «не вытерпел». «“Господа, уж это что-то на Бедлам похоже стало”, — заметил он вслух». Базаров же, которого, по словам Тургенева, «никто бы не упрекнул в пошлости», «занимался больше шампанским» и никак не реагировал на это кривляние.

Когда Базаров и Аркадий уехали с бала тотчас после ужина, не сказав ни слова Кукшиной, которая явилась «безо всякой кринолины и в грязных перчатках, но с райскою птицею в волосах», она «нервически злобно, но не без робости засмеялась им вслед: ее самолюбие было глубоко уязвлено тем, что ни тот, ни другой не обратили на нее внимания. Она оставалась позже всех на бале и в четвертом часу ночи протанцевала польку-мазурку с Ситниковым на парижский манер».

В эпилоге о ней говорится: «...Она теперь в Гейдельберге и изучает уже не естественные науки, но архитектуру, в которой, по ее словам, она открыла новые законы. Она по-прежнему яхшается с студентами, особенно с молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполнен Гейдельберг и которые, удивляя на первых порах наивных немецких профессоров своим трезвым взглядом на вещи, впоследствии удивляют тех же самых профессоров своим совершенным бездействием и абсолютною ленью».